

“АФГАНСКАЯ” ПЕСНЯ В САМОДЕЯТЕЛЬНОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Песнетворчество 40-й армии или, как ее чаще называли, «ограниченного контингента советских войск в Республике Афганистан» - самое яркое событие народной песенной культуры 1980-х годов¹. Целенаправленный поиск материала привел к формированию коллекции (около двух тысяч записей) так называемых «афганских» песен в фольклорном архиве Уральского госуниверситета². Кроме того, к исследованию привлечены пять опубликованных сборников³, более десятка дисков-гигантов, выпущенных в конце 80-х фирмой «Мелодия»⁴, а также несколько компакт-кассет⁵. «Афганская» песня обогатила общенародный песенный репертуар. Около двух тысяч записей нашей коллекции представляют почти тысячу произведений, очень неоднородных по своим идейно-эстетическим качествам. Значительная часть из них представлена всего одной-двумя записями, зато записи вариантов и редакций примерно пятидесяти песен составляют около трети собранного нами материала⁶.

В процессе собирания «афганских» песен мы столкнулись не только с традиционным устным способом передачи фольклорной информации, очень часто наши собеседники, бывшие воины-«афганцы», показывали рукописные блокноты-песенники, которые, как правило, представляли собой записные книжки, помещающиеся в нагрудном кармане гимнастерки или самодельные магнитные альбомы. Несмотря на уникальность каждого такого документа, на основании доминантной функции мы разделили песенники на две группы.

К первой относятся рукописи с преобладающей социальной функцией. Их внешними отличительными признаками являются простота оформления и неупорядоченность содержания. Такие песенные коллекции обычно составлялись солдатами-первогодками, желавшими поскорее адаптироваться в армейском коллективе и для этого осваивавшими характерный для данного социума песенный репертуар. Произведения в таких сборниках обычно записывались в том порядке, в каком составителю удалось их услышать и зафиксировать. На большинстве таких песенников стояла фамилия составителя и владельца, однако в подавляющем большинстве случаев авторы песен не указывались.

В другой группе песенников доминирующей была мемориальная функция. В этом отношении данные произведения являются оригинальной модификацией характерных для воинской культуры послевоенного времени так называемых «дембельских альбомов». Рукописи этой группы отличает специальное графическое и каллиграфическое оформление: титульный лист с указанием имени владельца, а также нередко даты начала и завершения его воинской службы, бытовые и аллегорические рисунки, сделанные безымянными армейскими художниками. Например, в блокноте-песеннике бывшего «афганца» С.Ваулина следом за титульным листом идет изображение эмблемы десантных войск, а в тексте - два рисунка: на одном цепочка солдат идет в сторону горы, которой художник придал форму черепа, а у подножия ее написал «Афган»; на другом - скрывающийся за придорожным камнем моджахед целится из гранатомета в приближающийся бензовоз⁷. По-видимому, подобные рисунки появились в качестве замены традиционных для «дембельских альбомов» фотографий, так как несанкционированная фотосъемка в условиях афганской войны была затруднена.

Текстовое содержание мемориальных песенников может отличаться более строгим и целенаправленным отбором произведений, некоторой претензией на упорядоченность расположения материала и большим разнообразием представленных в рукописи жанров. Так, наряду с песнями, здесь могут быть помещены расчеты месяцев, недель, дней службы в Афганистане, солдатские афоризмы типа «Десантник три минуты - орел и трое суток - осел» (то есть за «три минуты» полета с парашютом следуют «трое суток» маршброска с полной выкладкой), домашние адреса боевых друзей. Имена авторов песен здесь, как правило, также не указываются.

И, наконец, еще один, наиболее современный способ хранения и передачи песенной информации - магнитный альбом, чаще всего записанный на компакт-кассете. Каких бы то ни было традиций в оформлении подобных альбомов мы не обнаружили: нередко здесь нет не только перечня записанных на пленке произведений, но даже имени владельца. По характеру размещения на кассете песенных материалов подобные альбомы приближаются к песенникам с преобладающей социальной функцией, однако, совсем не обязательно, что именно эта функция и здесь является доминирующей. Нередко песни в этих альбомах записаны в авторском исполнении, однако, имя автора-исполнителя чаще всего нигде не зафиксировано и, в лучшем случае, хранится в памяти владельца кассеты, что

не исключает ошибочной атрибуции. Попытка установить имя исполнителя «по голосу» часто оказывается безрезультатной, так как приходится иметь дело не с оригинальной записью, а с ее технически несовершенными копиями.

Проанализированные нами «письменные» способы хранения и передачи произведений современной народной поэзии не отменяют одного из родовых признаков фольклора - его анонимности. Как выяснилось, современные способы бытования самодеятельных песен не препятствуют и вариативности, возникающей как при записывании, так и при расшифровке некачественной копии. Однако такой до недавнего времени обязательный признак фольклора как устность современные носители информации превращают в факультативный, хотя сам акт исполнения по-прежнему остается устным. Тем не менее, и здесь намечаются весьма существенные перемены.

Когда, формируя свою коллекцию, мы интересовались у «афганцев» местом их дислокации в Афганистане, стараясь подобным образом определить границы бытования записанных от них произведений, в ответ наши собеседники рассказали, что кассеты с песнями в течение дня с попутным наземным или воздушным транспортом могут оказаться в любом районе страны. Впрочем, для солдатской песни ограниченность территории распространения, пожалуй, никогда не была доминирующей. Гораздо важнее была сословно-опознавательная функция. Наряду с другими опознавательными признаками (униформа, значки, татуировки, общие воспоминания, жаргон и прочее) песня помогала отделить «своих» от «чужих»:

И мы пойдем друг друга. Нам лишних слов не надо.

Глаза его засветятся особенным огнем.

Ребят своих мы вспомним и вспомним наши горы,

А после наши песни тихонько пропоем.

Так писал о будущей встрече однополчан один из известных армейских авторов-исполнителей Юрий Слатов в песне с характерным названием «Пароль «Афган». В цитируемом произведении называется еще одна очень важная традиционная функция солдатского песнетворчества - мемориально-информативная.

“Вспомним, вспомним-ка, братцы-ребята, // Севастопольскую, братцы, войну”... - пели участники Крымской кампании 1853 года⁸. “Вспомним, братцы, как стояли// Мы на Шипке в облаках...”⁹ - вторили им спустя четверть века солдаты, героически защищавшие этот перевал.

Помнишь, товарищ, белые снега,
Стройный лес Баксана, блиндажи врага,
Кости на Бассе, могилы под Ужбой
Вспомни, товарищ, вспомни дорогой

(1, №68-69)

Такие призывы звучали в песне бойцов-альпинистов, восставших на Кавказе в годы Великой Отечественной войны.

Вспомним, ребята, мы Афганистан,
Зарево пожарищ, крики мусульман,
Грохот автоматов, крики за рекой,
Вспомним, товарищ, вспомним, дорогой.
Вспомним с тобою, как мы шли в ночи,
Вспомним, как бежали в горы басмачи,
Как загрохотал твой грозный АКС,
Вспомним, товарищ, вспомним, наконец.

(1, №70-109)

- повторяли рефрен своей самой популярной песни «Бой гремел в окрестностях Кабула...» воины-«афганцы».

Так же как и опознавательная, мемориально-информативная функция может реализовывать себя не только прямо, в тексте, но и опосредованно, например, через творческое взаимодействие произведений, принадлежащих к разным временным пластам. Верность воинским традициям Великой Отечественной войны, нигде прямо не заявленная в текстах «афганских» песен, нашла свое очевидно воплощение в использовании для новых переделок и “перетекстовок” мелодий и фрагментов песен, созданных в 1941-1945 годах. Вот и два последних примера связаны не только тематически, но и генетически. «Баксанская» песня о боях за Кавказ стала исходным материалом для «афганской» песни. То же произошло с песнями «Через перевалы и долины...» (3, №562- 569; КПС, с.59-60; ВВН, с.30-34)¹⁰, основой которой стала «Песенка фронтовых шоферов» (стихи Б.Ласкина и Н.Лобковского, музыка Б.Мокроусова), «Машина по дороге мчится...» (3, №579-584)¹¹ и многими другими произведениями из «афганской» коллекции.

Редкую возможность реализовать себя открывает мемориально-информативная функция такому постоянно присущему народной поэзии качеству как неподцензурность. Именно это уникальное качество фольклора, долгое время было не без оснований одной из причин настороженного отношения к «афганским» песням прежде всего со стороны военной цензуры. Записывая песни, первоначаль-

но предназначавшиеся «для своих», фольклористы и не предполагали, что становятся обладателями секретной информации о тайных операциях наших спецслужб по физическому уничтожению главы Афганистана Х.Амина («Над Баграмом солнце ярко засветило...» (2, №323-324), «Афганистан насквозь промок от слез...» (2, №320-322), «Нас ни много и ни мало...» (2, №304-319). Таким образом только песни в эпоху так называемого «застоя» доносили до соотечественников правду о событиях в далеком Афганистане¹². Фактически в отсутствие сколько-нибудь серьезной поддержки со стороны профессиональных авторов «афганская» песня взяла на себя очень сложную роль информирования о событиях в Афганистане пребывавшей в счастливом неведении огромной страны и идейно-эстетического обеспечения оставленной профессиональным искусством армии:

Затерялась где-то наша рота
Среди серых, неприступных гор,
И проводит партполитработу
Старенькой гитары перебор.¹³

Началом первого этапа истории народного песнетворчества 40-й армии мы можем с уверенностью назвать 1980 год. Тому есть документальное подтверждение: расшифровка магнитофонной записи праздничного концерта бойцов отряда «Каскад», посвященного 63-й годовщине Октябрьской революции (2, № 426-440)¹⁴.

На этом этапе «афганская» песня сложилась как своеобразное явление национальной песенной культуры, определилась с кругом проблем, выработала поэтику и стиль. «Афганская» песня позволила поставить и художественно осмыслить ряд принципиальных для субкультуры «афганцев» проблем: зачем мы здесь, в этой чужой восточной стране; за что воюем, за что отдаем свои молодые жизни?

Ответов было несколько. Некоторые из них, мало в чем расходясь с официальной версией, искали оправдание в добрососедских отношениях:

Афганистан, Афганистан!
Не думал я и не гадал,
Что служба воина меня сюда забросит.
Среди других соседних стран
Мне другом стал Афганистан,
Стал домом, другом, ну а друг защиты просит.

(1, № 12)

Другие утверждали, что в этой полуфеодальной стране «революцию мы защищаем». Поиск ответа на главный вопрос шел и в ином русле - в соответствии с традициями народного песнетворчества. Так в одной из ранних «афганских» песен, составленной по всем канонам русского солдатского фольклора с использованием классического сюжета «гибель молодца на чужбине», солдат-спецназовец произносит может быть самые главные в своей жизни предсмертные слова:

Он молвил сквозь стоны: “Я в эту страну
Приехал врагу показать,
Что можем мы дом свой, детей и жену
С оружием в руках защищать”

(3, № 443)

О том же или почти о том пелось и в других песнях («В кармане своей гимнастерки...»(стихи и музыка Ю.Кирсанова) (5, №902-909)¹⁵ «Заграничная застава» (3, №528-535)¹⁶. При этом ни в одном известном нам произведении ввод наших войск в ДРА не трактовался как действия преступные. В крайнем случае, авторы-исполнители выражали боль и недоумение в связи с ничтожной политической результативностью от нашего военного присутствия здесь:

На афганской седой земле
Столько пролито нашей крови!
Только нет тишины нигде,
И горят кишлаки по-новой.
Только нашей в том нет вины,
Мы свой долг выполняем честно.
Что нас ждет впереди,
Сколько надо пройти,
Нам пока никому не известно.

(6, № 1345)

Даже на излете этой странной войны в песне «Мы уходим» (стихи И.Морозова, музыка А.Халилова) ее создатели от имени бойцов 40-й армии просили объективно разобраться в результатах почти десятилетней истории пребывания в Афганистане наших войск:

Прощайте, горы, вам видней,
Кем были мы в стране далекой.
Пусть не судит односторонне
Нас кабинетный грамотей.

(6, № 1370)

Не рискуя давать всесторонней оценки афганским событиям, постараемся, тем не менее, дать свое объяснение упорному нежела-

нию создателей и исполнителей анализируемых произведений публично «признавать свою вину», тем более, что с современным солдатским песнетворчеством это случается не впервые.

Так ввод советских войск в Чехословакию стал причиной не только ухудшения отношений между нашими народами, но и поводом для рождения песни об этих драматических событиях:

Когда рассвет прогнал с порога ночь,
По мостовой шагали наши парни,
И только крики «Убирайтесь прочь!»
Неслись из окон буржуазной псарни...
Ну что же нам еще, ребята, ждать?
Нож, автомат, гранату и в атаку!
Но был еще приказ: не убивать,
Мы не фашисты, а советские солдаты

(4, №696-698)¹⁷

Последняя строфа с незначительными переделками (в ряде текстов европейское «фашисты» заменено на «восточное» «сарбазы» - и все) включена в «афганские» песни «Опять в тумане звезд ушли «борты»...», «В глухом ущелье сбита пыль из «дэшэка»...» (4, №699-701), что, по нашему мнению, свидетельствует о близости позиций солдат 1968 и 1989 лет призыва. Если копнуть глубже, хотя бы в XIX век, то и там мы обнаружим, как писал В.Г.Белинский, аналогичное «русско-простонародное понимание европейских вещей»¹⁸, искреннее, идущее не сверху, а снизу, из народа, убеждение в своем мессианстве:

Нут-ка, русские солдаты,
Надо немцев выручать:
Немцы больно трусоваты,
Нам за них, знать, отвечать...¹⁹

- пели в русской армии о походе в Австрию в 1805 году.

Затужил болгарин крепко:
- Кто бы горю подсобил?
Он начал русских просить:
- Защитите-ка, родные,
От проклятых басурман,
Вы не дайте нам погибнуть,
Всем солдатским головам...²⁰

Так представляли себе события накануне Балканской войны 1877-1878 годов ее участники. Можно еще расширить цитируемый круг солдатских песен, но практически везде мы найдем произведения аналогичного содержания. Следовательно, речь здесь должна идти

не о случайном совпадении, не о недобросовестности исследователя, подтасовавшего факты, а о явлении глубинном, идее, укоренившейся в нашем национальном сознании.

Корнями своими эта идея уходит в стык XV и XVI веков, когда вместе с новой русской государственностью, Московской Русью, постепенно, и снизу, и сверху, и в официальной идеологии, и в народном сознании формировалась общенациональная объединительная идея «Москва - третий Рим». Эхо ее слышалось в речах посланцев Ивана Грозного, в ожесточенных прениях о вере старообрядцев и никониан, она питала политические амбиции Екатерины II и стратегические расчеты генерала Скобелева. Октябрьская революция также не похоронила этой идеи, но положила ее в основание фундамента сначала Коминтерна, затем социалистического сотрудничества со всеми рожденными им политическими, военными и экономическими институтами. Конечно, то, что прямо выражалось в средневековье, со временем ушло в подсознание, но упрямо находило выход как в слабо подкрепленных экономическими аргументами амбициях высокопоставленных военных или политиков, так и в искренней вере наших парней в Афганистане, что своим участием в местной политической возне они отводят большую беду и от этой, и от своей собственной страны.

Однако, не только мессианская идея «о великом предназначении России» и уж тем более не казенные призывы о выполнении «интернационального долга» заставляли первых «афганцев» выходить из строя и пока добровольно отправляться в чужие края, их привлекала экзотика далекой восточной страны, живое юношеское любопытство, желание испытать себя в непривычных условиях, словом, все то, что извечно заставляло наших соотечественников отправляться невзвешенно куда навстречу неустроенности и неизвестности:

Мы здесь далеки от домашних забот,
Бежать удалось от домашней рутины,
И пусть нас в Союзе не каждый поймет,
Боясь, что нарвется на пулю или мину. (1, № 27)

Не избалованные у себя на родине обилием товаров, наши парни были буквально заворожены, как им казалось, поистине сказочным богатством восточных базаров:

В дуканах можно все приобрести:
От «жевачки» и до пулемета,
«Панасоник», мумие, кольчугу и шлем,
Ятаган, мотор от вертолета...

(2, №289-299,283-288)

Сказочно богатым, хотя и опасным, казался и сам Афганистан:
ДРА - страна гор и высоких перевалов.
Среди них как-то шли - лазурита там навалом,
А еще басмачи (нам их надо выбивать).
Басмачи Афгана, ...вашу мать!

(2, № 335-341)

Так постепенно в сознании и творчестве солдат-«афганцев» складывался образ страны их пребывания, близкий к традиционному образу «чужой земли» русского фольклора. Известно, что «чужая земля» русской народной поэзии - это мир смерти, красота ее призрачна, а вот опасность и даже гибель вполне реальны. Бинарность образа «чужой земли» находим мы и в «афганских» песнях:

Кто сказал, что в ДРА растет зеленая трава,
Что здесь несмужко даже лучше, чем Швейцария?
На самом деле - ерунда! Забыта Господом страна
И затерялась на краю земного шарика...

(2, № 342-347)

Довольно скоро «прозревает» герой «афганских» песен и в отношении порядков, царящих в этой чужой стране:

Афганистан насквозь промок от слез.
Ребята наши поняли здесь скоро,
Что это не страна счастливых грез,
А страшного фашистского террора.

(2, № 320-321, 440)

Двойственное отношение к Афганистану как к загадочной стране по ту сторону государственной границы сохранится, пожалуй, на протяжении всей истории «афганских» песен. Не случайно в своеобразной итоговой песне «Мы уходим с Афгана» есть и такие слова:

До свиданья, Афган - этот призрачный мир,
Не пристало добром поминать тебя вроде.
Но о чем-то грустит боевой командир...

Мы уходим, уходим, уходим, уходим... (6, № 1370)

Сквозь призму национальных архетипов следом за авторами самодельных песен Афганистан стали воспринимать и профессиональные авторы. Вот строки из книги журналиста Нинель Стрельцовой: «Тихая Амударья для многих стала рекой, отделяющей царство мертвых, им уже никогда не переплыть ее» (подчеркнуто нами - В.Л.)²¹.

Призрачной стране грез и разочарований все чаще в «афганских» песнях противопоставлялась другая страна - Родина, Союз:

Там за горизонтом, за закатом
Спят твои друзья спокойным сном.
Здесь среди камней заснут солдаты,
И приснится им далекий дом...

(6, № 1204)²²

Очень часто связь подобного противопоставления с традиционной фольклорной топикой подчеркивается тем, что, реально находясь на негостеприимной чужой земле, свою Родину герои песен могут посетить только во сне:

Часто снится мне мой дом родной:
Лес о чем-то о своем мечтает,
Серая кукушка за рекой,
Сколько жить осталось мне, считает...
Я тоскую по родной стране,
По ее рассветам и закатам.
На афганской выжженной земле
Спят тревожно русские солдаты...

(2, №247-258)²³

Итак, решить проблемы далекой азиатской страны должен был «простой советский парень», который бы верил не просто в справедливость своей политической миссии, но в свое мессианство:

...А без меня, а без меня
В Афгане солнце б не вставало.
В Афгане солнце б не вставало,
Когда бы не было меня.

(5, № 1047)

И этот герой появляется уже в первом магнитном альбоме 1980-го года. Имя ему - «каскадер». Происхождение этого имени непосредственно связано с историей ввода в Афганистан наших войск. Наряду с регулярными частями в стране выполняли свои особые задания и несколько спецподразделений с кодовыми названиями «Гром», «Зенит», «Каскад». Самоназвание бойцов последнего и стало именем героя целого цикла ранних «афганских» песен²⁴. Имя оказалось на редкость удачным, внутренняя форма подсознательно вызывала в памяти образ его кинематографического двойника и наделяла песенный персонаж всеми мыслимыми качествами романтического героя. Самодетельным авторам оставалось лишь не-

сколькими штрихами уточнить его национальную принадлежность («синеглазый молодой блондин» (2, № 265-276)²⁵ и поместить в приличествующие его статусу необычные обстоятельства.

Романтическому герою-«каскадеру» должен был противостоять достойный его враг. Сначала не мудрствуя лукаво воспользовались наработками официальной советской пропаганды:

Снова готовят убийц в Пакистане.

Их автомат с иностранным клеймом,

Это клеймо людям гнет предвещает,

Мы же свободу народу несем.

Один ответ у нас для вражьей стаи:

В «Каскаде» парни тверже и умней,

Куда б вы рук своих не запускали

- Мы будем реагировать быстрее...

(1, № 26)

Однако персонажи получились какими-то ходульными и неживыми. Тогда пошли другим путем и, следуя законам народного творчества, решили обратиться к традициям своей страны, остановившись на периоде борьбы за советскую власть в Средней Азии. Взятый из другой жизни словом «басмач» стали «объяснять» непривычное пока еще для русского уха название противника на местном наречии - душман. Так в сатирической песне-диалоге, переделанной из популярной песенной зарисовки В.Высоцкого «Разговор у телевизора», все тот же Ваня объясняет своей сожительнице Зине, что за обвешанных пулеметами и гранатами мужиков показывают ей по телевизору:

Картина эта мне знакомая:

Тут все душманы, басмачи,

Хотят, чтоб власти были новые.

Не рубишь, так сиди, молчи...

(1, № 219-226)

Однако, чем дольше продолжалась эта война, чем глубже увязала 40-я армия в афганской авантюре, чем лучше понимали наши ребята, с кем они действительно воюют, тем меньше напоминали местные душманы среднеазиатских басмачей:

Говорят, что за эти годы всех душманов простыл и след,

Что в свободном Афганистане этих тварей в помине нет,

Говорят, что там, в Пакистане, все душманы приют нашли...

Так кто же ночью стреляет в спину синеглазому шурави.

Нет, душманов не стало меньше, просто стали они умней:

Днем в руках у него мотыга, ну а ночью винтовка в ней,

Тот душман - он всего лишь крестьянин,
ну, а может быть, карандай,
Но только ночка наступает - прекращается наш покой.
(2, №408-424)

Решение было найдено в полном соответствии с законами взаимодействия образной и безобразной лексики, разработанными А.А.Потебней. Так безобразный «душман» - враг коварный, двуличный, враг-оборотень, благодаря вторичной образности и чередованию согласных превратился в «духа» - персонаж, великолепно вписавшийся и в романтическую топику ранних «афганских» песен и в военный сленг наших солдат:

Проходят дни, а мы все крепче духом,
Летят недели, месяцы, года...
А вы, друзья, не верьте этим слухам,
Что в ДРА мы сели навсегда,
Что в письмах наших пишем так же мало,
Что пропитались дымом и войной...
Мы пьем за тех, кто «духов» бьет в Баграме
За эти горы в дымке голубой... (5, № 1046)

Однако романтический герой с его изначальной установкой на подвиг, на активное действие довольно быстро вступил в противоречие с однообразными, тяжелыми, лишенными внешней героики буднями войны, и, если когда-нибудь составят частотный словарь «афганских» песен, среди первых там будут слова «опять» и «снова»: «опять тревога, опять мы ночью вступаем в бой...»(4, №811-853)²⁶, «И вот опять идем мы в горы...»(стихи и мелодия В.Петряева. 4, №855-860)²⁷, «И снова нам в путь...»(4, №861-865)²⁸, «И вот опять летим мы на задание...»(стихи и мелодия И.Морозова. 4, №721-729)²⁹ и т.д. Не случайно, когда мы спрашивали у «афганцев», что такое подвиг, то часто получали ответ, что это хорошо сделанная работа. Поэтому неугомонного «каскадера» вполне закономерно сменил трудяга - коллективный герой, очень часто скрывавшийся за местоимением «мы».

По мере формирования песенного репертуара военнослужащих ОКСВ менялось их отношение к творчеству своих товарищей и сослуживцев. Сначала это была одна из форм немудреного солдатского досуга:

Мы только стали привыкать, подолгу научились ждать
Зарплату, отпуск, письма, дождик, вертолет.
А чтоб в конец не одичать и по ночам чтоб не кричать,
Решили: песни пишем ночи напролет... (2, №342-343)

Но по мере роста популярности «афганского» песнетворчества, когда оно из увлечения двух-трех любителей превратилось в массовую форму духовной жизни наших солдат на афганской земле, отношение к песне самих бойцов стало значительно серьезнее:

Эти песни, эти песни не сюсюкали в подъездах,
И слова, что в этих песнях, не рождались от тоски.
Эти песни, эти песни об удачах и победах,
О тревогах, наших бедах, нашей юности ростки.
Где-то там в стране счастливой, нашей родине далекой
Мы споем все наши песни, снова вспомним этот край:
Кто здесь был, тот не забудет наше братство боевое,
Тишину афганской ночи, басмачей собачий лай. (1, № 2)

И не случайно в таких произведениях, как «Автомат и гитара» (стихи и мелодия И.Морозова. 1, №13), «Когда солнце за скалы зайдет...» (1, №14-16), гитара - друг и спутник автора-исполнителя песен - приравнивалась к личному оружию солдата.

Популярность «афганских» песен в конечном итоге привела к качественным изменениям в их бытовании: из «песен для своих» они стали «песнями для всех». Процесс этот протекал довольно быстро и 1987 год с уверенностью можно назвать началом нового периода в истории песнетворчества 40-й армии. К этому времени в основном сформировалась тематика «афганских» песен: бои и боевые будни, солдат и воинский долг, солдат и смерть, солдат и любимая, солдат и песня, память о погибших и достойное отношение к выжившим в этой войне. За семь военных лет многие авторские сочинения “фольклоризовались”, стали органичной частью «афганского» репертуара, а судьбы их создателей успели превратиться в «афганскую легенду».

Знарок «афганской» военной песни, составитель нескольких ее сборников, офицер и журналист Петр Ткаченко без тени сомнения уверял нас, что автор многих «афганских» песен Юрий Кирсанов, вернувшись на родину, не выдержал всего пережитого в Афганистане и скоропостижно скончался от разрыва сердца. Между тем как он, живой и невредимый, тихо проживал, мало кому известный, но не забытый, в городе Мариуполе на Украине. В появлении легенды о нем есть своя «фольклорная» логика, в которой трагическая судьба автора объясняется особым значением, которое имело песнетворчество Ю.Кирсанова. Ему, чуть ли не единственному персонафицированному родоначальнику «афганской» песни, было судьбой предопределено стать в глазах последователей своего рода “куль-

турным героем» современного мифа, который несведомо откуда появился, научил петь про войну и исчез.

1987 год как новый рубеж в истории «афганской» песни был ознаменован и рядом государственных проектов в популяризации этих произведений. В этом году один за другим в Ташкенте, на фирме «Мелодия», вышли сорокатысячными тиражами и мгновенно разошлись два диска-гиганта: «Вспомним, ребята...» и «Голубые береты». Первую пластинку напел самодеятельный солдатский ансамбль «Каскад», наследник песенной славы «каскадеров». Второй «гигант» записал самодеятельный вокально-инструментальный ансамбль «афганцев»-десантников «Голубые береты», созданный в ноябре 1985 года.

В ноябре 1987 года в Ашхабаде прошел первый Всесоюзный слет молодых воинов запаса, в рамках которого был проведен фестиваль самодеятельной солдатской песни «Время выбрало нас», а годом позже лучшие из исполненных на фестивале песен вышли на четырех дисках-гигантах. Следом за первыми стали выходить все новые и новые «гиганты», в том числе и с персональным творчеством самодеятельных авторов ³⁰.

От производителей грампластинок старались не отстать и книгоиздатели: в 1987 году издательство «Молодая гвардия» выпустило первый сборник «афганских» песен «Когда поют солдаты», составленный П.Ткаченко, в следующем году им же был опубликован нотированный сборник «Время выбрало нас», спустя два года он выпустил книгу «Из пламени Афганистана», куда вошли как самодеятельные песни и стихи поэтов - «афганцев», так и поэтические произведения профессиональных авторов, посвященные этой войне ³¹.

Почти ежедневно «афганские» песни звучали на всю страну в «Полевой почте «Юности» и других радиопередачах, ежегодно Центральное телевидение транслировало на весь Союз конкурсы солдатской песни, где «афганцы» были самыми желанными гостями и самыми любимыми исполнителями. Словом, пройдя через огонь боев, сквозь холодное равнодушие и настороженность компетентных и некомпетентных органов, на втором этапе своей истории песне творчеству бойцов-афганцев предстояло выдержать испытание «медными трубами» всенародной любви и официальной славы. Но самодеятельная песня, рожденная в предгорьях Гиндукуша, втянутая в орбиту советского шоу-бизнеса, оказалась «чужой среди своих».

В этой ситуации, благодаря многотысячным тиражам книг и грампластинок, многомиллионной радио- и телеаудитории, имя автора

произведения прочно соединилось с его творением. Ведущей в этот момент становится не безымянная народная, а авторская профессиональная песня. У известных армейских ансамблей «Каскад» и «Голубые береты» появились свои дипломированные композиторы, аранжировщики, музыканты, исполнители. Но это неминуемо ставило их коллективное творчество под контроль армейских и штатских цензоров.

Драматично складывались отношения и с новой молодежной аудиторией, не знающей войны: рассказы и песни о войне вызывали у многих скорее праздное любопытство, нежели живое сочувствие и понимание:

- Афганистан? Как это интересно!

Ведь там война - я знаю из газет,

- Сказала девушка, ко мне прижавшись тесно.

Какой я мог ей дать ответ?

И я сказал, что там чуть-чуть стреляют,

И что душманы пакостный народ:

Бывает так, что в руку попадают,

Но чаще получается в живот...

(1, № 208-218)

Новые условия бытования изменили и эстетические критерии, исходя из которых стали судить об «афганских» песнях. В авторской песне в отличие от безымянной переделки или перетекстовки более выражено личностное начало, присутствует, пусть даже неосознанно, заявка на профессионализм. Но его-то как раз и не хватало многим самодеятельным авторам.

Вновь создаваемые песни чаще всего продолжали разрабатывать старые темы. В этот второй период удачными оказались авторские произведения Юрия Слатова, в которых привычные темы существенно углубляются и рассматриваются под неожиданным углом зрения. Так замечательная своими задушевностью и лиризмом песня «Самолеты» (6, № 1226-1229)³² построена на символике цвета, столь характерной для русского фольклора, а песня «У трапа самолета» (1, № 130-132)³³ разрабатывает традиционный для «афганских» песен сюжет прощания с боевыми друзьями, начало которому положило еще творческое наследие «каскадеров» («В декабре зимы начало...» (Ю.Кирсанов, С.Климов) (1, № 13-18)³⁴. Однако большинство авторов-исполнителей в своих работах продолжали скользить лишь по поверхности описываемых явлений, не проникая в их суть, иногда почти буквально повторяя известные сюжетные ситуации и образы.

Изменяется стилистика песен. Если раньше, в «романтической» фазе своей истории лексика «афганской» песни была насыщена не только специальными военными терминами, но и непривычными русскому уху словами местных наречий, то теперь, выступая перед неподготовленной публикой, авторам-исполнителям пришлось отказаться и от технических терминов, и от “экзотической” лексики. Из-за этого многие авторские песни, попавшие на страницы книг и дисков-гигантов, стали терять свое оригинальное лицо.

Общим недостатком неискушенных в версификаторском искусстве «бардов в шинелях» оказалось отсутствие подтекста - глубинного плана произведения, благодаря которому стихи говорят не только с разумом, но и с душой слушателя. Как ни парадоксально, но в безымянных переделках и перетекстовках подтекст был, но создавался он зачастую за счет внетекстовых средств, вследствие ассоциаций, которые возникали в восприятии слушателей от соединения оригинального и переделанного текстов. Был он и в лучших самобытных работах авторов исполнителей, которые чаще всего встречались в самодельных песенниках и магнитных альбомах, когда отбор осуществлял не штатный редактор, а «коллективное бессознательное» слушателей.

Таким образом, изменение привычных условий бытования «афганской» песни сыграло не самую благоприятную роль в ее дальнейшей судьбе. Такое уже было в истории отечественной народной песни, когда благодаря широкомасштабным реформам Александра II, круто изменившим социальное и внутрисполитическое устройство России, стала заметно и достаточно быстро меняться и народная культура. В солдатской песне этот процесс начался благодаря военной реформе 1874 года, когда был существенно сокращен срок солдатской службы и введена всеобщая воинская повинность. Тогда на смену довольно сложной по поэтике традиционной солдатской песне пришла песня новая. По своему складу «афганская» песня - прямая наследница этих «новых песен», имеющая свои сильные и слабые стороны.

¹ Одно из первых осмыслений этого явления было в статье А. Проханова “Записки на броне” (Литературная газета, 1985, 28 августа; 18 сентября.

² Ссылки на нашу коллекцию при цитировании мы будем давать внутри текста статьи в скобках сразу после цитаты: первая цифра - порядковый номер папки, цифры после знака № - имеющиеся в коллекции варианты произведения в порядке представленных в данной папке записей.

³ КОГДА ПОЮТ СОЛДАТЫ: Современное самодеятельное песенное творчество советских воинов, выполняющих интернациональный долг в Афганистане / Сост., вступит. ст. П.И.Ткаченко.- М.: Мол. гвардия, 1987.- 175 с., илл.; ВРЕМЯ ВЫБРАЮ НАС: Песни, рожденные в Афганистане / Сост., запись текстов, вступит. ст. П.И.Ткаченко; расшифровка мелодий С.В.Магой; рисунки В.П.Куценко.- М.: Воениздат 1988.- 192 с., ноты, ил. ; ИЗ ПЛАМЕНИ АФГАНИСТАНА / Запись текстов песен, сост. и вступ.ст. П.Ткаченко.- М.: Сов.Россия - 320 с., ил. ; АФГАНСКИЕ ЗВЕЗДЫ: Песни Михаила Мишунова на стихи Стагислава Волкова / Вступит. ст. А.В.Ручкого.- М.: Патриот, 1991.- 120 с., ноты. ; РУССКАЯ ПЕСЕННАЯ ЛИРИКА /Сост. В.И.Анисимов, А.А.Целищев.- М.: Сов. Россия, 1992.- 448 с., ил.

⁴ ВСПОМНИМ, РЕБЯТА...: Вокально-инструментальный ансамбль «Каскад».- Ташкент.; Мелодия, 1987.- Коммент. на конв. И.Азаренка; ГОЛУБИЕ БЕРЕГЫ: Вокально-инструментальный ансамбль.- Ташкент.; Мелодия, 1987.- Коммент. на конв. И.Азаренка ; ВРЕМЯ ВЫБРАЮ НАС: В 4-х выпусках./ Сост., коммент. на конв.И.Азаренка - Ташкент.; Мелодия, 1998 ; БЕЗ ОТМЕТКИ НА КАЛЕНДАРЕ : Ю.Кирсанов, пение, гитара.- Ташкент.; Мелодия, 1998- Коммент. на конв. И.Азаренка ; ГДЕ-ТО ЗА САЛАНГОМ :А. Минаев, пение, гитара.- Ташкент.; Мелодия, 1989.-Коммент. на конв. И.Азаренка; РАНЕНЫ МЫ В ДУШУ ТОБОЙ, АФГАНИСТАН: Песни воинов-интернационалистов и их друзей.- Л.; Мелодия, 1989.- Коммент. на конв. Л.Киселевой; А.СМИРНОВ. ПИСЬМА С ВОЙНЫ: Исполняет автор в собственном сопровождении на гитаре.- Л.; Мелодия, 1989.- Коммент. на конв. Л.Киселевой ; ПУСТЬ ПАМЯТЬ ГОВОРИТ : Ансамбль «Каскад» /Сост. И.Азаренко, коммент. на конв. О.Стефановской.- Ташкент.; Мелодия, 1989; ОБЕЛИСКИ: В. Кукоба поет поэзию А.Стовбы, С.Буковского, Г.Кулика и В.Верстакова.- Всесоюзная студия грамзаписи: ВТПО «Фирма Мелодия». 1990.- Коммент. на конв. С.Буковского; ВОТ И КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА : Группа «Голубые береты» [поет авторские песни Юрия Слатова] /Сост., коммент. на конв. И.Азаренка.- Всесоюзная студия грамзаписи: ВТПО «Фирма Мелодия», 1990.

⁵ АФГАНСКИЙ ВЕТЕР 1: Сборник афганских песен.- [Екатеринбург]: En Face Tutti Records, 1996 .- Художник и продюсер Е.Бунтов (АВ 1); АФГАНСКИЙ ВЕТЕР 2: Сборник афганских песен.- Екатеринбург.; Стар Трек, 1997.- Продюсер проекта Е.Бунтов.

⁶ Наиболее популярными оказались песни: «Бой гремел в окрестностях Кабула...» (три версии авторской песни-переделки в 43-х записях, которых, могло быть и значительно больше) и «Тревога» (43 записи, которые также не исчерпывают всех вариантов исполнения этой песни). Далее по нисходящей идут: «Мы в такие шагали дали...»(17 вариантов), «Кабул далекий и безжизненная степь...»(15 вариантов), «Здравствуй, дорогая, из Афганистана я пишу...» Юрия Кирсанова и «Над горами, цепляя вершины, кружат вертолеты...» Игоря Астапкина (обе песни в 13 - ти записях), «Мы выходим на рассвете...», «Шли сегодня танки без привала...», «Кукушка» Ю.Кирсанова, «Здесь, под небом чужим, под кабульской лазурью...» (все песни представлены 12-ю вариантами записей) и т.д.

⁷ Копия песенника С.Ваулина имеется в нашей коллекции: 3, № 607-643.

⁸ Фольклор Саратовской области. Кн. 1. Саратов, 1946, с. 84.

⁹ Герои Шинки /Сборник. М., 1979. С.69; вариант: БЕЛАРУСКІ ЭПАС. Мінск, 1959. С.210.

¹⁰ Поскольку одним из важнейших показателей включенности произведения в народнопоесенный репертуар для нас является степень его распространенности, лучшим доказательством тому будет количество зафиксированных нами вариантов, а также публикаций в различного рода изданиях. Поэтому в списках мы указываем не только цитируемый, но все известные нам варианты этого произведения. Считаем это допустимым, так как не проводим в данной статье специальных текстологических исследований.

¹¹ В нашу гавань заходили корабли...: Песни городских дворов и окраин.- Пермь: Книга, 1995, с. 276. В свою очередь, произведение, родившееся в годы Великой Отечественной войны и представленное в этом сборнике - перетекстовка песни о гибели «молодого конюгона» из популярного довоенного кинофильма «Большая жизнь» (композитор Н.Богословский).

¹² БАКЛАНОВ Г. Как убивали Амина./ Аргументы и факты, 1990, № 44; МАЛЫШЕВ В. Как мы брали дворец Амина./ Зеркало.- Свердловск, 1990, декабрь. Выпуск 17; СНЕГИРЕВ В. Переворот, в котором участвовал Крючков, был не первым в его биографии./ Комсомольская правда, 1991, 21 сентября; ЗАЙЦЕВ В. Погиб при штурме дворца Амина./ Уральский рабочий, 1994, 27 декабря; УСТЮЖАНИН В. «Гром» над Кабулом./ Комсомольская правда, 1997, 12 сентября; ЩЕКОЧИХИН Ю. Хроника штурма дворца Амина./ Новая газета, 1997, №52 и т.д.

¹³ Стихи Д.Вехтерсва. Из пламени Афганистана, с.137.

¹⁴ Песни, исполненные на праздничном концерте «каскадеров» 07.11.1980: «Не надо нам громких тостов...» [перетекстовка песни (далее, «прт.») «Люди идут по свету...»]; Ю.Кирсанов, «Я - воин-интернационалист /»Мне надоело нервничать...»]; И.Астапкин (сл.), Ю.Кирсанов (мел.), «Шумные дни, как огни, затухают в усталых глазах...»; они же, «Над горами пеления вершины кружат вертолеты...»; Ю.Кирсанов, «Клубится пыль и плак из-под колес...»; песня о синей птице удачи «Мы в такие шагалы дали...» (из репертуара рок-группы «Машина времени»); Б.Окуджава, «Ваше благородие госпожа удача...» (из к/ф «Белое солнце пустыни»); Ю.Кирсанов (сл.), Н.Богословский (муз.) «Холодный дождь стучит по крыше...» [перелелка песни (далее "прл.") о Косте-моряке из к/ф «Два бойца»]; «Здесь пет сантиментов...» [прл. В.Высоцкого из к/ф «Вертикаль»]; «Если в компании вдруг собираются...» [прт. «Призрачно все в этом мире бушующем...» из к/ф «Земля Санникова»]; «Мы так давно не отдыхали...» [прл. М.Ножкина из к/ф «Освобождение»]; «Вот уже все почти ящики связали...»; «Афганистан насквозь промок от слез...»; «Как у нас в уезде Чеквардак...»; «Опять с тобой дорога...»; «Мы ведь тоже, пожалуй, сегодня не прочь твердить о банальностях вска...» Расшифровка сделана студенткой филолог. ф-та МГУ А.Вальшиной в 1987 г. с кассеты, полученной от студента геолог. ф-та МГУ Игоря Манохина.

Благодарю за представленные материалы хранителя фольклорной коллекции МГУ доцента А.В.Кулагину

¹⁵ Когда поют солдаты, с. 65; грампл. Без отметки на календаре, ст. 1,

¹⁶ Грампл. Время выбрало нас, вып. 3, ст. 2

¹⁷ Голотюк Ю. Когда поют солдаты./ Век XX и мир, 1990, №2, с. 2-3.

¹⁸ Белинский В.Г. <Статьи о народной поэзии>./ Полн. собр. соч.: В 13 томах.- М.,/ Изд-во АН СССР. Т. 5, 1954, с. 437.

¹⁹ Сборник солдатских, казацких и матросских песен. Вып. 1. 100 песен. Сост. Н.Х.Вессель.- СПб., 1875, с. 26.

²⁰ Тумилевич Ф. Песни казаков-некрасовцев.- Ростов на Дону, 1947, № 32.

²¹ Стрельцова Н. Возвращение из Афганистана.- М.: Молодая гвардия, 1990, с. 3.

²² Из пламени Афганистана, с.168)

²³ Когда поют солдаты, 42-43; Время выбрало нас с. 90-93; Из пламени Афганистана, с. 34-35; Русская песенная лирика, с. 421-422; грампл. Вспомним, ребятам.1; грампл. Время выбрало нас, ст.1; грампл. Без отметки на календаре, ст. 2.

²⁴ Липатов А. Жанрово-стилевое своеобразие песен о «каскадерах». // Жанрово-стилевые особенности русского фольклора. Тезисы докладов межвузовской научной конференции 11-12 декабря 1989 г. Свердловск, 1989. С. 5-7.

²⁵ Из пламени Афганистана, с.170-171

²⁶ Когда поют солдаты, с. 96-97; Из пламени Афганистана, с.161-163.

²⁷ Когда поют солдаты, с. 53-54; Из пламени Афганистана, с. 93-94; грампл. Время выбрало нас, вып. 2, ст.1.

²⁸ Когда поют солдаты, с. 56-57.

²⁹ Когда поют солдаты, с. 66; Время выбрало нас, с. 99-103; Из пламени Афганистана, с. 43.

³⁰ Ткаченко П. Поют «Голубые береты»./ Советская культура, 1987, 24 сентября; Мамчур Ю. Там, за песней, судьба.../ Красная звезда, 1988, 1 января; Алимов Г. «Голубые береты»: Наши песни рождались в боях./ Известия, 1988, 27 февраля.

³¹ Отклики и рецензии на сборник П.Ткаченко «Когда поют солдаты»: Колосова В. Шар земной, неровный и овальный. / Советская культура, 1987, 12 ноября; Липатов В. О чем поют солдаты./ Литературное обозрение, 1988, №5, с. 55-57; Меликянц Г. Песни дальних дорог./ Известия, 1987, 17 ноября; Цаголова Л. Что же к песне добавить еще? / Собеседник, 1987, № 43.

³² Время выбрало нас, вып. 2, ст. 1.

³³ Время выбрало нас, вып. 3, ст. 2.

³⁴ Когда поют солдаты, с. 41; Время выбрало нас, с. 81-85; Из пламени Афганистана, с. 30; грампл. Время выбрало нас, вып.1, с. 1; грампл. Без отметки на календаре, ст. 2.